

Know how Джеймса Конлона

Завершился фестиваль “Владимир Спиваков приглашает...”

10 декабря в Большом зале консерватории состоялся заключительный концерт фестиваля “Владимир Спиваков приглашает...” В нем приняли участие Национальный филармонический оркестр России под управлением американца Джеймса Конлона и — в качестве солиста — Владимир Спиваков.

Джеймс Конлон не относится к числу харизматических дирижеров, гипнотизирующих аудиторию независимо от того, какую музыку и с каким оркестром исполняет. Это настоящий американский профессионал, делящий свое время между оперной, симфонической и хоровой музыкой, с громадным, универсальным репертуаром (хотя нельзя сказать, что ему все удается в равной степени). Наибольшее внимание Конлон уделяет музыке позднего романтизма, особенно австрийской. Одной из его самых заметных (и замеченных в музыкальном мире) работ последних лет стала запись опер и симфонических произведений Александра фон Цемлинского на фирме EMI. В 1994 году, еще до начала работы в Парижской Опере, Джеймс Конлон приезжал в Россию по приглашению Валерия Гергиева, чтобы с оркестром Мариинского театра исполнить Шестую симфонию Малера.

Два отделения московского концерта вышли очень непохожими друг на друга. Первое казалось отделением вполне рядового концерта американского дирижера-универсала, с редкими неожиданными проблесками вдохновения. Увертюра к опере Вагнера “Нюрнбергские майстерзингеры” напоминала оркестровые упражнения в контрапункте и тянулась долго, скучно, формально, как будто бы с единственной целью — вовремя сыграть все ноты. Ноты игрались вовремя. Вдруг, уже в коде, что-то изменилось, звучание музыки оживилось, увертюра наконец-то зазвучала празднично — жаль, этого не произошло раньше.

Следовавший затем Концерт для скрипки с оркестром Альбана Берга Конлон продирижировал корректно, но вместе с тем как-то аморфно и дистиллированно. Звучание стало таким осторожным, что в последних рядах партера оркестр был плохо слышен. После захватывающего исполнения “Семи ранних песен” Альбана Берга на открытии фестиваля

начало Концерта прозвучало разочаровывающе. Вероятно, так бы все и оставалось, если бы Владимир Спиваков во второй раз на этом фестивале не взял в руки скрипку. Он переживал эту музыку гораздо острее, интенсивнее. Под воздействием солиста исполнение постепенно наполнялось жизнью, и наконец финал Концерта увенчался таким мистическим, переливающимся, словно светящимся изнутри аккордом, что оставалось только застыть на месте. Ради этого чудесного аккорда стоило сыграть весь Концерт. После этого хотелось услышать финал Концерта еще раз, однако на бис Спиваков под тихий, почти неслышный аккомпанемент оркестра исполнил Adagio Гайдна. Вдоволь вкусив самодостаточно красивого скрипичного звука, публика с умиротворенной душой отпустила маэстро.

Во втором отделении на сцену вышел как будто другой дирижер и, что совсем удивительно, как будто другой оркестр. Восьмую симфонию Дворжака, которую Джеймс Конлон выбрал для своего московского концерта, играют исключительно часто, даже по сравнению с более знаменитой Девятой (“Из Нового Света”). Конлон начал ее так просто и неторопливо, словно в который раз рассказывал хорошо знакомую историю. Неожиданной была метаморфоза Национального филармонического оркестра, вдруг проникшегося духом романтизма. Оркестр-трансформер, за считанные фестивальные дни сыгравший с разными дирижерами немало диаметрально разной музыки, опять преподнес сюрприз. Пока длилась Восьмая симфония Дворжака, не покидало ощущение, что звук — теплый, трепетный и легкий — не извлекается музыкальными инструментами, но рождается сам по себе где-то в пространстве над оркестром. Звук был таким же идеальным, как романтическая поэзия и романтический балет. Менялись оттенки, темпы и тембры, в финале симфонии он стал интенсивнее, глубже и объемнее, тем не менее ощущение его неземного происхождения сохранилось. Как это получилось — остается know how Джеймса Конлона.

Анна БУЛЫЧЕВА
Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ

В. Спиваков и Дж. Конлон